

ЗА ВЕРУ!

«Пришел час решить судьбу Отечества. Вы не должны сомневаться, что сражаемся за Петра, но за Отечество, Православную Веру и за Церковь, А О ПЕТРЕ ВЕДАЙТЕ, ЧТО ЕМУ ЖИЗНЬ НЕДОРОГА, ЖИЛА БЫ ТОЛЬКО РОССИЯ В СЛАВЕ И БЛАГОДЕНСТВЕ...»

(Из приказа ПЕТРА ВЕЛИКОГО перед Полтавским сражением).

РОССИЯ

ЗА РОДИНУ!

Спасители России в смутное время: МИНИНЪ и ПОЖАРСКИЙ. «Православные люди, поможем Москве! Не жалея своего имущества, соложим жен и детей и соберем казну на ополчение! Если мы начнем это дело, так и другие города пойдут за нами.

СПАСЕМ, ГРАЖДАНЕ, ОТЕЧЕСТВО!»

СТАВИТ СВОЕЮ ЦЕЛЮ ОБЩЕ-РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНО
НАРОДНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ И ОСВОБОДИТЕЛЬНУЮ БОРЬБУ.

ROSSIYA
EDITOR N. P. RYBAKOFF

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА под редакцией
Н. П. РЫБАКОВА

Published daily except Sunday, Monday, certain Holidays and one week in summer by ROSSIYA PUBLISHING CO., Условия подписки для Соединенных Штатов, Канады и Заграницы:
Second Class Postage Paid at New York, N. Y. and at additional Mailing Offices.

12 мес. — \$ 15.00; 6 мес. — \$ 8.00; 3 мес. — \$ 4.50; 1 мес. — \$ 1.75

VOL. XXVIII. № 6804. PRICE 7 CENTS

Saturday, March 5, 1960

СУББОТА, 5-ое МАРТА 1960 года

480 CANAL STREET, NEW YORK 13, N. Y.

WALKER 5-3740

ЦЕНА 7 ЦЕНТОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЧЕХОВЕ

Помню, в моем давнем детстве, когда Антон Павлович Чехов приехал с моим отцом в наше имение "Корвинку". Было это после покупки Чеховым "Мелихова", куда мы ездили всей семьей осматривать это имение.

Чехов приехал к нам после съезда врачей, который состоялся в Москве, весной 1892 года и рассказывал о своих планах построить в "Мелихове" школу с амбулаторией.

Оба, Чехов и мой отец, были, как они говорили, "не верующими", но их неверие было столь необычным, что об этом нужно вспомнить с особой признательностью. Оба, отец и Чехов, обожали церковь (Антон Павлович в большей степени), знали и любили церковную службу и молитвенное пение и только с глазу на глаз обнаруживали пессимистическое отношение к вопросу о загробной жизни, а в настоящем нашем существовании никак не могли примириться с христианским "непротивлением злу".

Несмотря на это, Чехова никак нельзя назвать ни атеистом, ни нигилистом, это был очень русский и православный человек с некоторым укладом к тому "скептицизму", которым страдал и Тургенев, за что и подвергался нападкам со стороны Достоевского...

Во время пребывания Чехова в "Корвинке", он и мой отец, оба врача, обсуждали вопрос, который был поднят на всероссийском съезде врачей в Москве.

Дело было в том, что мой отец, хирург, бывший директор Морозовской больницы, сделал очень

удачную операцию одному из больных сужением пищевода. Пациент этот приехал с юга России, где он лечился у доктора Богаевского. До 1892 года операции по расширению пищевода делали всегда через рот и горло, — если пищевод был сужен не слишком низко, — но при сужении пищевода у входа в желудок от операции обыкновенно отказывались и больной погибал.

Моему отцу впервые пришла в голову мысль предпринять расширение пищевода из желудка, что и блестяще удалось. Пациент был отправлен к доктору Богаевскому, который отправился с ним в Вену, продемонстрировав своего пациента перед профессорами Медицинского Факультета при Венском Университете.

По единогласному постановлению венских профессоров, ректор университета присудил доктору Богаевскому звание "Honoris Causa" за операцию, произведенную моим отцом!

Была ли это ошибка, допущенная без желания доктора Богаевского присвоить себе лавры доктора Корвин-Хорватского, либо в этом был повинен сам Богаевский, выяснить было трудно.

Съезд врачей предложил составить третейский суд, куда должны были войти доктор С. Я. Елпатьевский, А. П. Чехов и В. В. Вересаев. Однако Чехов, приехав в "Корвинку", всячески отговаривал отца от третейского суда, приводя такие доводы: "Неудобно за границу выносить наше недоразумение. Раз в веки мы удостоились высокой награды 'Honoris Causa'

и вот сейчас же такая-то неразбериха, не то подвох, не то подлог"...

Далее, помолчав, Антон Павлович очень проникновенно сказал (разговор этот записан моим старшим братом, Василием, который вел дневник о всех посещающих "Корвинку" лицах).

В конце концов, неужели так важно, КТО из русских врачей произвел столь блестящую операцию? Важно то, что это был русский врач и что Европа перед этой операцией преклонилась"...

Отец согласился с Чеховым и "Honoris Causa" осталась за доктором Богаевским.

В заключение Чехов очень тепло поздравил моего отца за его великодушие и сказал ему по-латыни (что тоже — из записок моего брата):

— Всякое явление имеет свою судьбу.

Чехов затем стал советоваться с отцом о режиме для его болезни. Решено было использовать кумысное лечение, которое, по словам отца, предохраняет проникновение бацилл Коха в кишечную область, где борьба с болезнью очень затруднена.

Антон Павлович любил пить крепкое черное кофе и говорил, что когда он пишет, то запирается ото всех на ключ в своей комнате и питается только этим напитком.

— Излишняя пища отвлекает от сосредоточенности, сказал он, как-то не то иронически, не то изображая кого-то...

Во второй раз я видел Чехова в Москве, куда мы приехали с отцом навестить его. Антон Павлович значительно похудел и стал казаться даже меньше ростом, слегка сторбившись; глаза его горели лихорадочно. Он рассказывал о театре и тревогах с ним

связанных.

— "Чайка" в Петербурге провалилась, собственно ее провалили, не поняв что нужно играть и как это играется... Но Москва спасла "Чайку" — сказал Чехов.

Антон Павлович улыбнулся как то грустно и иронически в одно и тоже время (это была его особая манера, запомнившаяся мне)...

— Когда спектакль "Чайки" был закончен, я был за кулисами и ждал. — ужели опять провал?! Значит, никогда уже не писать для театра? — сказал он, кашлянув.

Жду минуту, две, три, пять. Гробовое молчание. Занавес закрылся. Артисты, как побитые. Идут, прижимаясь друг к другу, некоторые покачиваются, как пьяные. Я услышал женский голос артистки, которая стала всхлипывать. Ни звука, ни хлопца.

Значит, снова провал? Но вдруг в театре за спущенным занавесом стало твориться что-то необычайное: бурные, восторженные возгласы, гром аплодисментов... Не только "Чайка" была спасена, но и я с нею, и престиж театра... — глухо закончил Чехов.

Наша семья слушала этот рассказ А. П. Чехова в "Большом Московском" (ресторане), куда пришел Чехов с художником Симоновым, удачно декорированным "Чайку" и подружившимся с Чеховым и с моим отцом.

Эти две встречи с великим писателем Земли Русской запомнились мне на всю жизнь. Вижу, как ейчас, этого человека с такой характерной "докторской" внешностью, с таким незабываемым, низким, глуховатым голосом, одновременно и добрым и ироническим и чрезвычайно музыкальным (я всегда различал "музыкальный" голос от "немузыкального", т. е.

душевной от бездушного).

Не забыть также и этих глаз Антова Павловича, много видевших, много понимавших, много мечтавших... уРви у Чехова были тоже докторскими, — тонкие, бледные пальцы, сухая, продолговатая ладонь, оттененная белой старомодной круглой манжеткой..

“Мелихово” и “Корвинка” — где вы? Одно имение превращено в “музей”, другое в “образцовую ферму”, — на одной и на другой чужие, враждебные люди...

И. КОРВИН-ХОРВАТСКИЙ

Комментарий

Когда спектакль «Чайки» был закончен, я был за кулисами... – на самом деле Чехова не было на премьере «Чайки» в МХТ.